

Политическая психология и когнитивные войны. Итоги работы круглого стола по политической психологии

Бурикова И. С.

Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Северо-Западный институт управления РАНХиГС), Санкт-Петербург, Российская Федерация; burikova-is@ranepa.ru

Для цитирования: Бурикова И. С. Политическая психология и когнитивные войны. Итоги работы круглого стола по политической психологии // Управленческое консультирование. 2025. № 6. С. 234–241. EDN ZPBNZC

Political Psychology and Cognitive Warfare. Results of the Discussion on Political Psychology

Inga S. Burikova

Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (North-West Institute of Management, Branch of RANEPa), Saint Petersburg, Russian Federation; burikova-is@ranepa.ru

For citation: Burikova I. S. Political Psychology and Cognitive Warfare. Results of the Discussion on Political Psychology // Administrative Consulting. 2025. N 6. P. 234–241. EDN ZPBNZC

Введение

6 октября 2025 г. в СЗИУ РАНХиГС состоялся круглый стол памяти профессора А. И. Юрьева «Политическая психология и когнитивные войны».

Профессор А. И. Юрьев (1942–2020) — выдающийся русский ученый, создатель отечественной научной школы политической психологии и первой в Российской Федерации кафедры политической психологии в ЛГУ им. Жданова (СПбГУ). Александр Иванович Юрьев — автор монографий «Введение в политическую психологию» [2] и «Системное описание политической психологии» [3], автор и редактор коллективного учебного пособия «Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала» [1]. Положил начало подготовке в университетах страны специалистов по психолого-политическому консультированию политических партий, общественных и государственных деятелей.

Круглый стол был посвящен роли политической психологии в противодействии когнитивным и гибридным войнам. Специалисты обсудили возможности противодействия информационно-психологической агрессии инструментами политической психологии. На круглом столе встретились специалисты разных школ политической психологии, ведущие политологи, философы, социологи, специалисты по массовым коммуникациям. Участники круглого стола представили результаты своих исследований и обсудили основные научно-практические вопросы и вызовы современной политической психологии в условиях нарастающей агрессивности информационной среды, роль политической психологии в социальном моделировании и архитектуре. Мероприятие состоялось в день 36-летия политической психологии в России — 6 октября 1989 года была открыта кафедра политической психологии в Ленинградском государственном университете. В работе круглого стола приняли участие ученики

профессора А. И. Юрьева, ныне сотрудники кафедры социальных технологий СЗИУ РАНХиГС, его коллеги из разных вузов страны, политические психологи, политологи, социологи, депутаты разных уровней, общественные деятели.

Открыл круглый стол **Андрей Драгомирович Хлутков**, д. э. н., профессор. В своем приветственном слове директор СЗИУ РАНХиГС отметил, что сегодня мы являемся свидетелями настоящей глобальной трансформации мира. И помимо того, что значительная часть вопросов для России решается сегодня в горячей стадии, с оружием в руках, не менее важными являются еще два измерения современного противостояния. Это — проверка экономики на прочность и недружественное когнитивное воздействие, которое в отличие от военных действий не прекращается ни на минуту. В этих условиях политическая психология выходит на первый план не просто как академическая дисциплина, а как один из ключевых инструментов, влияющих на поддержание социальной стабильности и национальной безопасности в государстве.

В докладе президента Российской ассоциации по связям с общественностью, директора Центра социальной архитектуры МГИМО **Евгения Николаевича Минченко** была представлена модель политического лидерства, основанная на архетипических образах. Команда «Минченко консалтинг» разработала модель формирования образа лидера, которая опирается на методологические подходы юнгианского психоанализа, Дж. Кэмпбелла, К. Пирсон и др. авторов. Данные подходы были переработаны после анализа тысячи самых эффективных политиков человечества. Полученная модель включает в себя нескольких составляющих. Первое — тактические характеристики, то, что политику дано, его *habitus*, физиологические особенности, его профессиональный и жизненный путь, то, что сложно поменять. Вторая составляющая — это социальные роли, функционал для элит. Дальше идет функционал для избирателей, и на это уже накладывается архетипический образ. Использование такой модели дает практический новый взгляд на политическое лидерство и еще одну форму рефлексии в понимании современной политики.

Ректор Восточно-Европейского института психоанализа, д. пс. н., профессор **Михаил Михайлович Решетников** отметил, что важнейшей фигурой власти, которая появляется с самого раннего детства, является воспитатель детского сада и учитель в школе. Учителю принадлежит право судить, оценивать, характеризовать, отбирать, поощрять, разрешать, не разрешать. И власть педагога всегда формально легитимна. На этом тезисе была построена вся система образования на Украине за последние 30 лет. Выросли дети, которым внушили вполне определенные идеи, причем эти идеи внушались жестко, системой наказания и поощрения, и сейчас этим детям уже 30 и даже 40 лет. Это огромная армия людей, ненавидящих Россию, и эта ненависть не исчезнет в один день. Поэтому пока не будет поднят статус воспитателя детского сада, учителя, преподавателя вуза и сержанта в армии на недостижимую высоту на уровне средних окладов по региону и даже выше, эти педагоги и воспитатели не смогут искренне воспитывать веру в отечество, патриотизм и в будущее.

О теоретических разработках в рамках когнитивной безопасности говорил д. ф. н., профессор, директор проекта НИЛ стратегического планирования и евразийской интеграции СЗИУ РАНХиГС **Игорь Федорович Кефели**. Он отметил, что, во-первых, необходимо готовить кадры, чтобы они могли заниматься вопросами обеспечения противодействия когнитивным войнам. Во-вторых, нужна учебная литература, в первую очередь, кумулятивного порядка — когнитивные науки. По перечню специальностей — это философские, психологические, медицинские, филологические, физико-математические и технические науки. Это — специалисты нашего ближайшего будущего.

В выступлении профессора, д. п. н. (кафедра цифровых медиакоммуникаций «Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций» СПбГУ) **Галины**

Сергеевны Мельник прозвучало опасение о ведущемся сепаратистском дискурсе в сетевых аудиториях нашей страны и, в частности, на Северо-Западе. Это пропагандистские фабрики, которые разрабатывают стратегию разрушения российской государственности, работают с разными целевыми аудиториями. В материалах таких информационных площадок отвергается государственный статус России, и само государство представляется как колониальная корпорация. Участникам сепаратистского движения предлагают отказаться от паспортов РФ, работает система юристов, которые помогают им не платить налоги, страховки, при этом они берут кредиты, их не возвращают, не платят за коммунальные услуги. Оправдывается не только юридическая «партизанская» деятельность, но и фактическая — раз нет государства, то все позволено. Важно выявлять такие деструктивные движения и как работать с ними в формальном юридическом поле, так и блокировать их когнитивное воздействие, закрывать информационные ресурсы, заниматься профилактикой и работать на опережение.

В выступлении к. пс. н., доцента факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС **Марии Александровны Коноваловой** прозвучала необходимость работать в поле действия интеллектуальной экспансии. Политическая деятельность — это борьба за сознание общества и за сознание человека, а проходит она в форме интеллектуальной экспансии различных идей. На каждом новом этапе исторического развития человечества обнаруживается множество непонятных и пугающих вещей: искусственный интеллект, экологические проблемы, демографический кризис, декоммунизация экономики и политики и так далее. Если политика не дает внятные ответы на тревожащие людей вопросы, возникают сначала негативные психологические состояния и явления — в форме дезориентации, деморализации, а вслед за этим социально-экономические и политические кризисы. В таких обстоятельствах люди становятся восприимчивыми к любым идеям, помогающим им вернуть хоть какие-то ориентиры в мире наступившего хаоса, дать хоть какую-то опору под ногами. «Свято место пусто не бывает», — и если общество, государство не предоставляет им объяснение, то они будут искать сами. И что они найдут — большой вопрос. Поэтому нужно противопоставить другую информацию, недостаточно просто что-то запрещать, но нужно противопоставить другую, встречную интеллектуальную экспансию.

Александр Лазаревич Катков, д. м. н., профессор, руководитель исследовательских и образовательных программ Международного института социальной психотерапии, вице-президент Общероссийской профессиональной психотерапевтической лиги, председатель Международного ученого совета по психотерапии в докладе «Психотехнологии — “оружие массового поражения”?» вспомнил, что термин «деструктивные политические эпидемии» принадлежит А. И. Юрьеву. Особенность деструктивных политических эпидемий состоит в том, что это не просто какие-то экономические или социальные потери, но это реальная перспектива конца цивилизации. При анализе современного психотехнологического пространства видно, что основной вектор воздействия этого пространства на человека и общество — явно деструктивный. И этот деструктивный вектор по объему и интенсивности воздействия многократно превосходит «островки» респектабельных помогающих и развивающих психотехнологий (психотерапию, психологическое консультирование и проч.). Есть ли какое-то эффективное противодействие против когнитивно-ментального доминирования и разгоняемой при помощи этой технологии деструктивной политической эпидемии русофобии? Ответ: мы должны разгонять социальные эпидемии со знаком «плюс», гораздо более мощные, чем атакующие нас психотехнологические волны вирусной информации. Они должны быть наполнены «термоядерными» энергиями, которые способна дать только авангардная наука о психике. Это должна быть эпидемия, которая меняет глубинные цивилизационные контексты.

О доктрине информационной и когнитивной войны говорил шеф-редактор СОНАР-2050, российский политический технолог, медиатеchnолог, журналист, писатель, блогер **Семен Сергеевич Уралов**. Во вступлении он отметил, что на Западе в 1970-е гг. появилась доктрина информационной войны, с 2017 г. — доктрина когнитивной войны. У нас никакой когнитивной войны нет в принципе. Российское государство живет в реальности информационной войны. Как работает когнитивная война? Принцип нанесения когнитивных ударов — общий единый сигнал (во всех медиа-контурах). Все, что мы доносим по теме когнитивной войны для поколения 25 минус, сразу должно быть оформлено в виде приложений, роликов и т. д. — они уже не читают текстов, а сидят в смартфонах. Книг недостаточно. Последний тезис — государство должно признать реальность когнитивной войны, но пока что оно не видит такой тип войны. Подчеркиваю, что у нас во всех концепциях только информационная война. Поэтому мы должны добиться того, чтобы государство признало — только тогда станет возможность противостоянию. Потому что противостоять когнитивной войне может только государство.

Об использовании цветового теста Люшера, расчетов и интерпретаций, разработанных проф. Юрьевым рассказывал профессор, д. пс. н., заместитель директора института гуманитарных технологий и социального инжиниринга Финансового университета при Правительстве РФ **Александр Сергеевич Огнев**. Базовый прибор, с помощью которого аттестовывался информационный контент, — это айтрекер (eye-tracker — отслеживает движение глаз, то, на что смотрит респондент). В стимульных материалах используются восемь цветов теста Люшера. Трактуются такой результат — отклонение от аутогенной нормы, — как равновесное состояние, когда человек себя чувствует комфортно, или как состояние дискомфорта. В результате было обнаружено, что агрессивный материал, который содержит в себе нападки, например, на плохих чиновников, на какие-то события и на каких-то персонажей, которые нам не нравятся, далеко не всегда вызывает негативный эффект. Все это можно измерить с помощью прибора и внести дизайнерские правки в любые информационные материалы, в любой визуальный контент, предвосхитив реакцию респондента.

Современные условия требуют введения понятия «коммуникационный суверенитет». О его определении и возможностях соблюдения рассказал профессор, д. с. н., заведующий кафедрой связей с общественностью в бизнесе Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций СПбГУ, почетный профессор СПбГУ **Дмитрий Петрович Гавра**. В современных условиях обеспечение коммуникационного суверенитета прямо сопряжено с обеспечением национальной безопасности. Коммуникационный суверенитет — это способность государства самостоятельно управлять своей информационно-коммуникационной сферой, ее продуктами и эффектами для национальной аудитории. Модель коммуникационного суверенитета носит трехкомпонентный характер: 1) жесткая составляющая (communicative sovereignty hardware) — технологический и программный компонент — производство компонентов и систем, оборудования, в том числе компьютерного, серверного, вещательного, спутникового и т. п. и программного обеспечения; 2) полутвердая составляющая (communicative sovereignty semi-hardware) — экономический компонент — структура собственности на ресурсы цифровой и медиакоммуникационной индустрии; 3) мягкая составляющая (communicative sovereignty software) — контентно-ценностный компонент — характер и направленность контента, воспроизводящего национальный культурно-исторический и ментально-ценностный код. Вот эта трехкомпонентная модель коммуникационного суверенитета требует адекватного, в том числе нормативно-правового регулирования государства.

Доцент Российского государственного гуманитарного университета, д. п. н., к. пс. н. **Владимир Сергеевич Шевцов** в своем выступлении рассказывал об одном из сложных регионов, в котором ведется целенаправленное негативное

информационное воздействие на население — регион Северо-Кавказского федерального округа. Такое негативное воздействие ведется в основном в следующих четырех направлениях: 1) идеологическая подпитка сепаратизма и идеи так называемой деколонизации региона. В основе такого воздействия лежит стремление сформировать установки на воссоединение некогда разделенных границами народов; 2) инспирирование проблем межрелигиозного и межнационального плана; 3) манипулирование целевыми аудиториями под прикрытием продвижения гражданских инициатив. Так, инициативы в области борьбы с коррупцией в регионе, повышения уровня благосостояния и социально-бытового обеспечения нередко становятся предметом искажений; 4) продвижение идей, подрывающих традиции населения, сложившийся семейный уклад. В данном аспекте ряд европейских государств под патронажем органов управления Евросоюза проводит политику воспитания демократической гражданственности и образования в сфере прав человека. Активно насаждаются европейские ценности, такие как гендерное многообразие, борьба женщин за свои права, западнизация традиционного семейного уклада жизни, непопулярность многодетности, протестное поведение и др.

Об использовании технологий когнитивных войн, стратегий агонизма и антогонизма, о региональном символическом геополитическом капитале говорил на круглом столе профессор кафедры региональной политики и политической географии СПбГУ, д. геогр. н. **Константин Эдуардович Аксенов**. Стратегия примирения в конфликтах с участием символов или символической политики — это стратегия агонизма. А, соответственно, антагонизм — это стратегия конфронтации в тех же самых конфликтах. То есть, во-первых, без конфликтов не рассматриваются эти стратегии, во-вторых, они не рассматриваются без участия символов или не в контексте символической политики. Главный тезис — символическая политика без стратегий агонизма или антагонизма сегодня не работает в принципе, как в России, так и за ее пределами. Однако те, кто участвуют в этой политике, часто не осознают этого. А если даже осознают и анонсируют свою приверженность одной из них, могут не подозревать, что в реальности их действия ведут в прямо противоположную сторону.

В своем докладе д. пс. н., профессор, и. о. заведующего кафедрой политической психологии факультета психологии СПбГУ **Ольга Сергеевна Дейнека** рассказывала о деформации исторической памяти как инструменте информационно-психологической войны. В частности, существует ряд манипулятивных технологий, чтобы лишить общество исторической памяти, ее деформация, искажение и привнесение своей информации, другой по смыслу. А. И. Юрьев раскладывал эти компоненты и этапы управления информацией в политическом управлении, писал об объективности, системности, организованности, достаточности, ясности, конкретности и практичности политической информации (работа еще 1992 г.), давал рекомендации для того, чтобы информация правильно доносилась до гражданина. Какие можно отметить факторы и причины фальсификации информации, в частности, о Великой Отечественной войне? Первая группа — это геополитическое соперничество, потому что идет психоисторическая война (вид когнитивной войны). Вторая группа — это идеологические и политические факторы. Третья группа — это социально-культурные факторы, изменения восприятия прошлого, которые происходят у нас, переоценки исторических событий, популяризация альтернативных взглядов, когда речь идет о спорах, о книгах, о государствах. Четвертая группа — это экономические и медийные факторы. И возникают крайне опасные эмоции, такие как обида, вина, накапливаясь, они оказывают разрушающее воздействие на личность, группу и общество. Нужно работать с контраргументацией в ответ на когнитивные манипуляции, а также начиная с детского сада учить правильной коммуникации офлайн и онлайн, в физической и цифровой среде.

Эксперт департамента политических исследований АЦ ВЦИОМ, к. п. н. **Кристина Бадровна Джгамадзе** в своем докладе привела данные ВЦИОМ, по которым видно, за счет чего происходит стабилизация эмоционального состояния общества — это особая российская идентичность. Среди ее компонентов — чувство гордости в восприятии своей страны, и оно только усиливается. Далее — это самоидентификация наших жителей и высокий уровень рефлекслируемого народного единства. Следующий социальный индикатор — это традиционные российские ценности. Семья стоит на первом месте, далее — национальное единство, дружба и взаимопомощь. Такие смысловые конструкты имеют общее семантическое ядро. То есть все эти три группы ценностей описывают снижение межгрупповой дистанции и готовность к кооперации.

На публичные теракты как результат психологического воздействия в условиях когнитивных войн обратила внимание профессор, д. п. н. (кафедра политических институтов и прикладных политических исследований факультета политологии СПбГУ) **Ольга Валентиновна Попова**. Целью когнитивной войны является разрушение или искажение мировоззрения, моральных, ценностных установок на основе явного или неявного принуждения к противоправным действиям. Если в войнах старого типа ответом на вопрос, кто побеждает, было изменение линии фронта, то ныне говорить о победе в когнитивной войне можно лишь в том случае, если удастся управлять (в буквальном смысле) элитой вражеского государства и принуждать к определенным действиям население вне зависимости от того, разделяют ли они идеологию противоположной стороны. В последние годы изменились основные технологии когнитивных войн, появились технологии вовлечения в совершение публичных преступлений: 1) замещенная или имплантированная память, связанная с некритическим восприятием реальности и исторической памяти; 2) пост-правда — в принятии решений руководствуются верой, основанной на эмоциях и субъективных убеждениях, а не на критическом анализе источников информации; 3) использование фейк-ньюс, альтернативных фактов и самого тяжелого варианта — дипфейков, ложной информации, которая синтезируется искусственным интеллектом чаще всего в визуальных образах. Дипфейки начинают доминировать над достоверной информацией, способствуя формированию основ гнева, враждебности и насилия.

Доцент кафедры политической психологии СПбГУ, к. пс. н. **Алексей Владимирович Забарин** предложил начать решать проблему с определения понятий. И тогда не надо будет говорить на языке метафоры — будет уже вполне конкретное предметное поле когнитивных процессов и их особенностей. При этом результатом когнитивного воздействия является то, что А. И. Юрьев называл «картина мира», которая должна в результате построить связи, объекты, отношения между ними, а у человека должно сложиться какое-то понимание. Поэтому когнитивная война с этой точки зрения — это война за определенное понимание той или иной ситуации.

С предложением создания Центра, который совместно с властями займется тем, что в онлайн-режиме будет «переводить на человеческий язык» то, что власти пытаются говорить населению, выступил к. пс. н., политический психолог-консультант **Александр Викторович Ершов**. Такой Центр возможно создать на базе вуза со специалистами в области психологии управления, политической психологии, психологии массовых коммуникаций. В настоящее время большинство продукции социальной рекламы выглядит как самодеятельность с точки зрения психолога. Гениальные идеи и замыслы, предложения о трансляции традиционных ценностей — разбиваются о примитивное исполнение, непонятное обывателю. Центр мог бы сделать так, чтобы не было обратного эффекта. Но главное — не опоздать. Не дотянуть до того, что власть и общество настолько разойдутся по информационным пространствам, что уже не будет крючков, их цепляющих.

О необходимости защиты от телефонных мошенников говорила в своем докладе к. пс. н., доцент кафедры управления рисками и страхования СПбГУ, руководитель программы магистратуры СПбГУ «Поведенческая экономика и экономической психологии» **Ольга Викторовна Медяник**. Телефонное мошенничество — это один из инструментов когнитивной войны, имеющий конкретный экономический результат, измеряемый в миллиардах рублей. Анализ скриптов и иных материалов, по которым обучают мошенников, показал, что их работа строится по трем уровням воздействия. Первый — когнитивный, управление мыслями жертвы, манипулирование ее сознанием и логикой принятия решений. Второй — эмоциональный, вызываются тревога, страх, паника. Третий — физиологический. В этой фазе мошенники используют специально разработанные техники, чтобы полностью подчинить волю жертвы и превратить ее в послушного исполнителя. Вся эта технология рассчитана на комплексное воздействие — не только на психику, но и на физиологию человека. И выход из такого состояния сознания начинается с того, что организму нужно физически дать время, прекратить воздействие, дожидаться восстановления психофизиологических функций, чтобы вернуть себе адекватность восприятия.

На круглом столе также выступил депутат законодательного собрания Санкт-Петербурга, выпускник кафедры политической психологии **Андрей Алексеевич Рябоконь**. В своем выступлении он размышлял о будущем политической психологии, о преемственности поколений.

Подводя итоги, следует отметить, что в результате работы круглого стола были сформулированы следующие важные замечания, предложения и рекомендации:

1. В современном мире «вредную» информацию можно и нужно ограничивать, работая по выявлению источников данной информации и запрету ее распространения.

2. Когнитивные угрозы повсеместны — от простой лжи и искажения информации до телефонного и финансового мошенничества, а также создания по технологиям нейролингвистического программирования (НЛП) «биодронов» из людей, которых подвергли серьезному воздействию деструктивных когнитивных технологий.

3. В качестве профилактики необходимо повышать информационную грамотность населения — обучать работе с информацией, умению отличать качественную информацию от некачественной, истинную от ложной. Причем такая работа должна вестись уже в школе, когда молодежь наиболее восприимчива к любой информации в сети Интернет. Необходимо вовлекать и пожилых людей в цифровую грамотность, и все категории граждан.

4. Недостаточно запрещать вредную информацию, ее нужно замещать, противопоставлять другую, встречную интеллектуальную экспансию, политическую эпидемию со знаком «плюс». Вместо разгона деструктивной политической эпидемии «Россия на нас нападет» необходимо предложить позитивный и конструктивный образ нашей страны — зачем Россия нужна миру? Каков образ России для других стран?

5. На внутреннем информационном рынке — работать рекомендуется через лидеров общественного мнения, экспертное сообщество и других субъектов интеллектуальной экспансии.

6. Специалисты в области политического мышления, когнитивных процессов могут быть привлечены к профессиональной оценке реализуемых программ интеллектуальной экспансии. Возможно, даже экспресс-оценке информационных продуктов, а также законодотворческих инициатив в режиме их проверки до непосредственной реализации и/или выхода в эфир и публикации в различного рода СМИ и сети интернет.

7. Рекомендуется провести научно-исследовательскую работу по обсуждению и разработке такой позитивной повестки, образа будущего, образа России и т. д. с привлечением широкого круга специалистов, как по содержанию образа (философы, психологи, политологи, социологи и т. д.), так и деятелей культуры и искусства,

непосредственно отвечающих за форму донесения образа до широкой аудитории, с обязательными практическими предложениями по реализации.

На кафедре социальных технологий факультета социальных технологий СЗИУ РАНХиГС под руководством профессора, доктора политических наук **Инны Александровны Ветренко** сейчас работают ученики Александра Ивановича Юрьева и развивают политическую психологию, изучая современные проблемы и вызовы, с которыми сталкивается наука и практика.

Литература

1. Стратегическая психология глобализации: психология человеческого капитала : учебн. пос. / под науч. ред. д-ра психол. наук, проф. А. И. Юрьева. СПб. : Logos, 2006.
2. Юрьев А. И. Введение в политическую психологию. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1992.
3. Юрьев А. И. Системное описание политической психологии. СПб. : Изд-во СПбГУ, 1996.

Конфликт интересов

Автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Об авторе:

Бурикова Инга Сергеевна, кандидат психологических наук, генеральный директор Центра социальных проектов «Белый Дом», доцент Северо-Западного института управления Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации (Санкт-Петербург, Российская Федерация); burikova-is@ranepa.ru

References

1. Strategic Psychology of Globalization: Psychology of Human Capital: a textbook / edited by Doctor of Psychology, Professor A. I. Yuryev. St. Petersburg: Logos, 2006.
2. Yuryev A. I. Introduction to Political Psychology. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1992.
3. Yuryev A. I. A Systematic Description of Political Psychology. St. Petersburg: St. Petersburg State University Press, 1996.

Conflict of interests

The author declares no relevant conflict of interests.

About the author:

Inga S. Burikova, PhD in Psychology, General Director of the White House Center for Social Projects, Associate Professor at the North-West Institute of Management of the Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration (St. Petersburg, Russian Federation); burikova-is@ranepa.ru

Поступила в редакцию: 01.11.2025

Принята к публикации: 20.11.2025

The article was submitted: 01.11.2025

Accepted for publication: 20.11.2025